

Татьяна ЗУНШАЙН (Рига)

ЧЕРНАЯ ДЫРА

В № 3 нашего журнала за 1984 г. мы сообщали об аресте в Риге Захара Зуншайна — еврейского активиста и долголетнего отказника. В публикуемом ниже (с небольшими сокращениями) самиздатском материале жена Захара — Татьяна Зуншайн рассказывает о деле мужа, о его нынешнем положении. Сама Татьяна сейчас тоже находится под угрозой. Когда этот номер сдавался в печать, из Риги пришло сообщение, что ей грозит уголовное преследование за "тунеядство": Татьяна уже в течение долгого времени не может найти работы, перебиваясь частными уроками английского языка да скромным заработком домработницы.



Захар Зуншайн

Я еду в Ханяки. Я тащусь туда через всю Россию без всякой надежды увидеть его. Единственное, на что я могу рассчитывать, это получить хоть какую-то крупицу сведений о нем, этот своеобразный допинг, дающий мне возможность действовать и жить. Попутчики пристают ко мне с разговорами, готовые с обычной дорожной откровенностью рассказать мне обо всем. А в голове у меня уже который раз прокручивается наша история с самого начала...

Из материалов уголовного дела № 812000184

Обвиняется Зуншайн Захар Михайлович, 1951 г. р., еврей, проживающий в г. Риге, ранее не судим, женат, образование высшее, в том, что, после того, как ему и его жене 16 июля 1981 года Отделом ВИР МВД ЛССР было отказано в выезде из СССР в Израиль на постоянное место жительства, в период времени с октября 1981 г. по 4 марта 1984 г. систематически в устной и письменной форме занимался распространением заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.

С этой целью по месту своего жительства в г. Риге он изготовлял на пишущей машинке произведения в виде писем, заявлений и жалоб, в которых действия сотрудников ОВИР и других органов излагал в искаженном тенденциозном виде, утверждая, что в связи с отказом ему на выезд в Израиль в СССР не соблюдаются законы, имея при этом цель показать в отрицательном свете все стороны государственного и общественного строя в целом и работу отдельных государственных органов в частности...

Изготовленные произведения Зуншайн по почте отправлял в различные государственные и общественные органы...

С этой же целью — показать в отрицательном свете стороны государственного и общественного строя, Зуншайн в дни проведения крупных политических событий в СССР — во время работы сессии Верховного Совета СССР и в дни выборов в Верховный Совет СССР выходил на улицы столицы — г. Москвы — с плакатами, на которых имелись надписи: "Требуем выхода из гражданства СССР".

Вышеуказанными действиями, направленными на дискредитацию советской власти и демократии, Зуншайн совершил преступление, предусмотренное статьей 183¹ УК ЛССР.

Следователь по особо важным делам при Прокуроре ЛССР
Грутупс Г. Ж.

6 марта мой муж, Захар Зуншайн, был арестован. Что же в действительности привело его на скамью подсудимых? Единственное — наше твердое желание покинуть СССР, и не менее твердое намерение советских властей нам такой возможности не давать. Очевидна была и другая цель этого "дела" — запугать всех, кто на основании советских законов требует выезда из СССР. Что из того, что в СССР гарантируется право на выезд? На сотни, тысячи обращений в советские государственные и партийные органы, к тем, кто голосует за принятие законов и кто должен их охранять, мы получали один и тот же, звучащий как приговор ответ: "Нарушения закона не усматривается".

Два с половиной года прошло в бесплодных попытках добиться справедливости. Через два с половиной года наши обращения в советские официальные инстанции были признаны "клеветническими", а мой муж, Захар Зуншайн, был упрятан за решетку. Его ожидало наказание, предусмотренное ст. 183¹ УК ЛССР — лишение свободы на срок до трех лет. А те, кто действительно нарушали закон по отношению к нам, оставались безнаказанными...

Какое наказание ожидает тех, кто, желая запугать моего мужа, по запросу милиции пытался незаконно провести его "психиатрическое освидетельствование"; кто под фальшивым предлогом "сокращения штатов" выгонял мужа с работы; кто объявил его "идеологическим противником" и фактически лишил его возможности работать в школе; кто фактически лишил нас свободы передвижения, препятствуя нашим попыткам приехать в Москву для защиты своих интересов в центральных органах страны; кто отказывался оградить наши и наших друзей неотъемлемые права, не принимая от нас ходатайств, заявляя: "Вы что, забыли, в какой стране живете?"; кто вынуждал нас и наших друзей выходить на демонстрации протеста, чтобы привлечь внимание общественности к нашему бедственному положению, а после сажал нас в приемники-распределители для бродяг, давая нам возможность поближе познакомиться с тюремным заключением; кто неоднократно без всяких оснований задерживал и выдворял нас из Москвы и Московской области; кто установил над нашим домом тщательное наблюдение; кто, чтобы воспрепятствовать нашим попыткам приехать в Москву во время сессии Верховного Совета, устроил против мужа грязную провокацию, в результате которой он был обвинен в хулиганстве и арестован на 15 суток тюрьмы; кто, не стесняясь, заявлял, что в "ЦК Компартии Латвии Зуншайнами больше не занимаются... Ими занимается КГБ... Посадили мужа и правильно сделали... Давно пора... Всех вас все равно пересажаем..."

Захар был арестован после того, как 6 марта 1984 года сотрудники КГБ Латвийской ССР привезли нас из Москвы, где мы втроем (Захар, наш друг Александр Балтер и я) провели 4 марта демонстрацию протеста с плакатами: "Требуем выхода из гражданства СССР" и "Остановите произвол". В поезде Захар заболел. Тяжелая форма гриппа с температурой под 40. Ночь прошла как в бреду, а на утро, когда поезд пришел в Ригу, все и началось... Всех по машинам и по домам — на обыски. Захар еле держался на ногах. Я сказала им, что состояние мужа тяжелое, и что нам необходимо вызвать врача.

Отказали. Сказали, что вызовут сами. Стало ясно, что его заберут. Неясно только — по какому обвинению. Ведь людям в нашем положении могут предьявить все что угодно: скажут, например, что пнул милиционера в живот, сорвал погон, припишут наркотики или что-нибудь другое — от нас это, к сожалению, не зависит.

Захар спросил только номер статьи. Следователь ответил — 183¹. Захар спросил: "И сколько это?" Следователь с улыбкой: "До трех". Захар сказал: "Ну, значит, три". Следователь, явно издеваясь: "Вы умный человек, Зуншайн, с вами будет приятно работать".

Последнее, что Захар успел сказать мне, было: "Главное, чтобы ты была здорова и хорошо выглядела". Вот и все. Его увезли. В памяти застряла машина, черная "Волга", где он на заднем сидении, и его лицо, смотрящее назад, на меня, а я стою в дверях подъезда и с ужасом смотрю, как его увозят, не в силах поверить в то, что происходит, а за стеклом по обе стороны от него — люди в штатском, и его уже почти не видно...

Потом было следствие. Несколько долгих и бесплодных месяцев борьбы за его освобождение... Прокурор Латвии Дзенитис кричал мне: "Ваш муж будет сидеть, даже если суд признает его невиновным!!!" Председатель Верховного Суда ЛССР Азан на мой вопрос, почему же так грубо нарушается закон, ответил не менее грубо: "Потому, что мы так решили. Для нас закон то, что мы решили". ..

В то время я почти ничего о Захаре не знала. Переписка запрещена. Свидания запрещены. Адвокат запрещен. Не было возможности связаться с ним, узнать хоть что-нибудь или что-нибудь сообщить. Единственное, что просочилось через стены тюрьмы, что там в тюрьме Захар объявлял голодовку, "протестуя против незаконных методов ведения следствия".

Позднее, за несколько дней до суда над Захаром, мне удалось узнать кое-что из страшных подробностей его тюремной жизни. В то время по довольно странному и счастливому стечению обстоятельств (и в соответствии с советским законом) я была допущена к участию в деле Захара в роли его защитника. Я получила доступ к материалам его уголовного дела — трем пухлым томам, в которых были собраны заявления Захара, написанные им еще до ареста, протоколы обысков, протоколы допросов свидетелей, самого Захара, заключения экспертов, запросы следователя, справки, обвинительное заключение и прочий хлам.

Зато туда же были подшиты заявления Захара, написанные им уже в тюрьме и свидетельствующие о его ужасном положении. На темном, неровно оборванном куске оберточной бумаги, в которую обычно заворачивают посылки, я читала наспех написанные строки:

15 марта 1984 г.

Прокурору Латвийской ССР от Захара Зуншайна

...13 марта меня вызвали к следователю Грутупсу. Я сообщил ему, что с 6 марта, то есть со дня ареста, по 12 марта находился в больнице СИЗО. 8 марта мне перестали выдавать лекарства, а дежурный по корпусу угрожал посадить меня в карцер, когда я предложил ему разговаривать повезливее. 12 марта из больницы меня выписали с температурой около 38. Кроме того, мне отказали в бумаге и чернилах, чтобы обжаловать незаконные действия работников СИЗО.

Более того, 12 марта меня минут на 40 посадили в общую камеру, как потом выяснилось, по ошибке. В камере было человек 60. Я просил следователя Грутупса сообщить об этом ведомству, которое стоит за всем этим делом. С тем, что если их планы не простираются так далеко, чтобы убить меня, то пусть примут меры, чтобы в дальнейшем подобные ошибки не повторялись. Посадить меня в общую камеру, где вновь прибывших раздевают, где существует "прописка", где люди из "зондеркоманды" за отказ принять законы волчьей своры избивали бы меня до полусмерти, отбив почки и печень — значит обречь меня на верную гибель.

Мне давно уже известно, что жизнь не является абсолютной ценностью. Есть вещи поважнее жизни. И не во всех случаях за нее следует цепляться. Или, может быть, кто-нибудь думает, что уголовники из общей камеры меня *перевоспитают*??? И я, следуя их указаниям, буду послушно ловить мух и становиться на колени за получением фашек и ушек???

14 марта меня вызвали к следователю Грутупсу. Я сообщил ему, что с 14 марта объявил голодовку, так как мне отказывают в лечении. С 6-го марта у меня постоянно высокая температура, а воспалительный процесс в горле достиг таких размеров, что когда я пытаюсь пить воду, она выливается через нос. Я просил следователя Грутупса раздобыть хотя бы несколько таблеток аспирина. Не наркотиков, и не водки, а аспирина!!! Как же реагировал следователь Грутупс на мои просьбы? Да очень просто: аспирин у него нет, на администрацию СИЗО он повлиять не может, что же касается общей камеры, то там не так уж плохо, никого там не убивают, да и порядок там больше. Ну, разумеется, "зондеркоманда" не сидит сложа руки...

16 июня, за два дня до суда, мне посчастливилось увидеть Захара и в течение 7 часов говорить с ним. Я была в тюрьме как его защитник. Я видела это страшное человеческое изобретение не так, как другие жены — в комнате для свиданий, разделенной надвое стеклянной перегородкой, где по одну сторону — заключенные, а по другую — родственники, где во время одного-двухчасового разговора по телефону с отводной трубкой в руках у дежурной можно в лучшем случае сказать, что жив, что пока еще держишься и просишь не волноваться.

Я видела другую тюрьму. Где решетки с металлическим скрежетом открываются перед тобой, как будто злобно лязгая зубами, а ты идешь через их ряд, и они закрываются, и опять все тот же отвратительный скрежет, и кажется, что отсюда уже не выйти... Навстречу попадались конвойные, ведущие на допрос заключенных, а сами заключенные, с согнутыми плечами, с руками, сцепленными за спиной (как предписывает установленный порядок), казались, старались казаться незаметнее. Встречающиеся на пути женщины-дежурные, повернувшись лицом, пугали внешностью, не имеющей ничего общего с женской... И шла по длинному, плохо освещенному коридору с множеством дверей и думала только о том, что сейчас я увижу Захара.

Его привели. Бож мой! Худой, обросший, с бородой, бледный от отсутствия света и воздуха, он каким-то чудом стал еще красивее. За семь часов, проведенных вместе, он рассказывал мне о буднях тюремной жизни, а я слушала с ужасом, с содроганием, стараясь ничего не пропустить из сказанного.

Есть такое понятие в тюремном лексиконе — "беспредел". Что это значит? Это значит, что в тюремных камерах нет предела издевательствам над достоинством и самой природой человека. Это значит, что толпа уголовников набрасывается на того, кого впервые кидают им в клетку, для того, чтобы провести его через длинную цепь издевательств, тех самых, что называются "пропиской". Его раздевают догола и голым заставляют часами стоять на коленях. Его заставляют прыгать с нар головой вниз. Его заставляют ловить мух, есть даже норма — 50 мух в день. За каждую невыловленную муху бедняга получает по 12 ударов в живот. Там люди из так называемой "зондеркоманды" раздевают, насилуют, избивают, отбирают еду и вещи. Другие же прислуживают им за столом, стирают их грязное белье. Третьих довели до того, что им разрешают умываться и пить воду только из унитаза. Четвертых заставляют сутками изображать "часы" и проверяют при том на правильность хода. Пятые ходят по камере вдвое согнувшись, голова у колен, а разогнуться разрешается только 2 раза в день, во время исполнения камерного "гимна". Шестых насилуют, превращая в "козлов" или "петухов". Если кто-то подал руку "петуху", то и сам им становится... Больше он не захотел мне рассказывать. Сказал: "Тебе, детка, нельзя такое слушать".

Но куда же смотрит администрация???

Администрация? А кто же, если не администрация, сказала Захара в общую камеру в надежде на то, что уж там-то его перевоспитают? Кто кидал его из камеры в камеру, не оставляя надежды расправиться с ним руками уголовников? Кто настраивал против него заключенных из камеры № 143? Кто угрожал им общей камерой, если они не перестанут поддерживать отношения с Захаром? Кто угрожал им кубиком? Кто, наконец, пообещал ему: "Сгноим в карцере" и кто действительно гноит его по карцерам почти половину срока, проведенного в тюрьме? 58 дней из 144 — в подвалах без света и воздуха, где всегда сыро и холодно, где сидишь как в яме, на крошечном пространстве в 3,5—4 кв. метра, а вокруг все из бетона — пол, потолок, стены. Окна нет. Единственная тускляя лампочка рассеивает свой свет через решотку, отчего кажется еще меньше, и в камере почти темно. О том, что кончается день и начинается ночь, узнаешь только тогда, когда приходит дежурный, чтобы отстегнуть от стены деревянные нары — голые доски, на которых полагается спать. Их опускают только на ночь, с 10 вечера до 6 утра, все остальное время приходится проводить на ногах. Лечь некуда — пол бетонный, мокрый от того, что в карцер время от времени просачивается вода (хорошо еще, что на ноги выдают калоши). Кормят горячей пищей здесь через дыру — трехразовое питание примерно на 10 копеек в день чередуют с половиной буханки хлеба и кружкой кипятку. Вода, и та недоступна — кран, открывающий воду, находится в коридоре. Положение осложняется тем, что в камере находится унитаз. Приходится просить дежурных по карцеру, чтобы включили воду. Одни включают, другие нет — сидишь весь день без глотка воды и дышишь собственными испражнениями... К вечеру от постоянного движения по камере, от голода, темноты и спертого воздуха, голова начинает кружиться, а ноги перестают держать. Захар рассказывал, что, когда выходишь из карцера, тюрьма кажется раем.

За 58 дней, проведенных в карцере, он потерял 20 кг веса. Когда его вывели из карцера, чтобы он мог ознакомиться с протоколом суда и подписать его, он не смог читать — буквы прыгали перед глазами. Но это было уже после суда. А еще до суда...

"22 мая 1984 г.

Первому заместителю прокурора РСФСР от Захара Зуншайна

...Разговор как-то сам собой завертелся вокруг скорого завершения следствия, вокруг суда и, конечно, вокруг приговора. Как-то незаметно и быстро подвел следователь разговор к тому, что суд делает снисхождение (и мое дело не стало бы исключением) для того, кто осознает свою вину, кто поймет всю ошибочность своих заблуждений и перестанет упорствовать в их отстаивании. Тому, кто сказал "А", приходится говорить и "Б". Сказал, назвал, выговорил свое "Б" и следователь. Это "Б" было и нелепым и бессмысленным, как все происходящее, и свелось к тому, что если я осознаю свою вину, то суд пойдет мне навстречу и определит наказание в виде исправительных работ.

...Каждый день, каждый час, каждый миг творит, совершает природа свои таинства. И разве не таинство это, не чудо, что будь следователь на моем месте, он был бы доволен, счастлив исправительным работам. А мне... Мне зачем, за каким лешим эти исправительные работы? Профессор из Новосибирска, член "Международной Амнистии" из Москвы по той же статье, что у меня, получили по 2,5 года каждый. А чем я хуже?.."

28 июня состоялся суд над моим мужем. Вернее сказать, это был не суд, а демонстрация силы. Они были везде — вокруг здания суда, в здании, в коридорах, на лестницах, в зале, в комнате для судей, везде и всюду они — люди в штатском, со знакомыми лицами и незнакомыми, с нарукавными повязками или без них, но так или иначе демонстрирующие свою силу и уверенность в своей безнаказанности. Они забили зал до отказа своими людьми. Они согнали нас — родных и друзей Захара — в кучу, загнали в дальний угол коридора, поставив перед нами заслон милиции — попробуй кто-нибудь выйти!

Захара привезли. "Захар, мы с тобой!" Человек с повязкой "Распорядитель" приказал взять того, кто крикнул. Началась драка. Какой-то юнец выкручивал руки 62-летнему отцу Захара. Он кричал: "Вы кого бьете? Фронтовика? Сталинградца?" Мать кричала: "Что вы делаете, остановитесь!" В толпе кричали: "Позор!" От защиты Захара меня отстранили. Когда Захара проводили мимо нас, он успел сказать нам, что с таким судом сотрудничать не станет. За все время судебного разбирательства он не произнес ни слова, кроме одной единственной фразы. Показывая на тех, кто сидел в зале, он сказал: "Эта публика не для меня". Вот и все. Молчал и улыбался, когда судья задавал ему вопросы, когда говорили, путаясь, свидетели, когда прокурор держал обвинительную речь, когда предоставили последнее слово, и когда объявили приговор – 3 года лишения свободы. Все произошло за 2,5 часа за закрытыми дверями в отсутствие родственников и друзей, защитника и свидетелей от защиты...

Потом были два месяца этапа, когда Захара через всю Россию везли в Сибирь, в маленький сибирский поселок Бозой, в 80 км севернее Иркутска, где он должен был отбывать свой срок. 27 сентября его вместе с 10 другими заключенными доставили туда из Иркутской пересыльной тюрьмы.

В тот же день, 27 сентября, в Бозой приехал отец Захара. Приехал, узнав, что сын уже здесь, чтобы поговорить с лагерной администрацией, узнать хоть что-нибудь о сыне. И они поговорили... Поговорили так, что когда он вернулся, у него дрожали руки. Ему говорили: "Ваш сын не выдержал... Был трудный этап... 20 килограммов потери веса... Он потерял рассудок и бросился на одного из заключенных с бритвой... Написал бредовое письмо... Ну так вот. Вы не получите больше ни одного его письма. Вы не получите ни одного свидания. Вы его больше не увидите. Мы его здесь сгноим, он отсюда не выйдет. А захотим, переведем в другой лагерь, где со всех сторон химические комбинаты. Или еще лучше, пошлем на рудники, там он и загнется. Там и похороним. Вы думаете, что, здесь так же хоронят, как на воле?"

Через 3 дня после возвращения отца мы похоронили маму Захара, Дору Зуншайн. Она умерла от сердечного приступа...

7 октября

Здравствуйте! Не знаю даже, как начать. Просто не знаю. Несколько дней никак не мог заставить себя написать вам письмо. Просто невозможно. Так и хочется крикнуть: что же вы делаете, разве так можно? Зачем она умерла? Зачем? Все же было так хорошо!

Да, да, ХОРОШО!

У меня все, все нормально. *Было, есть и будет.* Нормально — для меня. Наверняка для многих ЭТО было бы ужасно. А для меня — нормально. (Таня была и сама могла убедиться.) Все же было хорошо. Но что же вы делаете? Так и хочется крикнуть: разве же так можно. Зачем она умерла? Зачем?

Еще не скоро мы все осознаем и поймем, что мы потеряли. Будь проклят этот день 30 сентября. Дора честно говорила, что только когда она умрет, мы поймем, что она большой человек. (Поймем и поверим.) Да, болячек у нее хватало. Но дело, конечно, не в болячках. Просто-напросто она не смогла всего этого вынести. Все это оказалось выше ее сил. Еще 5 июля на свидании в тюрьме было видно, что она совершенно выбита из колеи. Но кто бы мог подумать, что до такой степени.

Да что толку сейчас что-то говорить, что-то пытаться объяснить. И так все ясно. Жизнь — штука жестокая. А Дору уже не вернешь. Вы просто обязаны вести себя соответственно. И зарубите себе на носу или там, где вам, черт побери, удобнее, что у меня все, все БЫЛО, ЕСТЬ и БУДЕТ НОРМАЛЬНО. Для меня. И ведите себя соответственно.

3 октября я приехала в Бозой на свидание к Захару. На первое из двух длительных свиданий в год, которые полагаются заключенным, содержащимся в лагерях общего режима. Мне подписали разрешение на 1 сутки и отвели в комнату для свиданий, где мы с Захаром должны были провести вместе целых 24 часа.

И вот появился Захар! Худой, только кожа и кости, обритый наголо, со следами боев на лице и на теле, с синяками, ссадинами, кровоподтеками. Грудь его была отбита такой степени, что каждое движение, каждый шаг давался с болью...

Я рассказала ему о том, что они сказали отцу. Он выгравал об этом услышал. Какое звание бритвы? Кто не выдержал? Кто сошел с ума?

Он рассказал мне о своих первых днях в лагере. В тот день привезли 11 человек. Им предложили подписать заявления о том, что они согласны стать активистами, сотрудничать с администрацией. На лагерном лексиконе это называется "надеть повязку". Это и официальное название — СВП — секция внутреннего порядка. Подписав такое заявление, заключенный вступает в сделку с лагерной администрацией, становясь ее шаманом, глазами, а если нужно, то и кулаками. При досрочном освобождении активистов освобождают раньше срока, вот они и стараются.

В лагере, куда привезли Захара, активистов 50%. По сложившейся практике тех, кто отказывался подписать, били. Это известно, и 10 из 11 подписать тут же. Одиннадцатым был Захар. Он отказался. Тогда кто-то из администрации скомандовал: "Этого 'лося' — в отдельную комнату". В штабе, в "семинале профилактика правонарушений" 10—15 человек, сбив его с ног, испинали ногами в затылок. После кто-то из администрации спросил: "Ну чо, будешь ты подписывать или нет?" Захар рассмеялся. Это был первый день в лагере.

На следующий день Захар не смог подняться с нар. Пришлось оречь дать ему освобождение с работы — не дали. Просил дать ему возможность выйти на рентген — не дали. Дали выговор за невыход на работу и втирание от башки. Это была вторая ночь в лагере.

Пришлось подниматься и идти на работу. Первое, чем встретил его дежурный прапорщик, охраняющий заключенных на работах. Было: "Ты Гитлера любишь? Мало вас, евреев, Гитлер уничтожил!" Потом, обращаясь к заключенному: "Этого еврея в случае чего стреляй, и смотри, не промахнись". Это был третий день в лагере. Потом четвертый, пятый, шестой...

Захар написал заявление с требованием возбуждать уголовное дело по факту его избития, а также об антисемитских выходках администрации. В ответ на это администрация лагеря угрожала ему еще одним сроком заключения или расправой со стороны уголовников — на выбор... Я только спросила: "Захар, по вашим силам могут все. Что если они сдержат свои угрозы? Если они не дадут нам никаких выдаты? Что, если они не будут пропускать наши письма?" Он ответил: "У заключенных тут мы прекратили принадлежать себе. Мы не можем поставить себя в зависимость от свиданий, писем и всего остального. Если у нас не будет свиданий, значит свиданий у нас не будет".

Прежде, чем уехать из Бозой, я пошла в штаб, чтобы сказать администрации лагеря, что все, о чем я узнала, станет достоянием гласности. Я расскажу об этом всему миру... Один из них, в форме майора, сказал мне: "А вы не спрашивайте. Рассказывайте, кому хотите. Видите, мы вам даже его показали". Я сказала: "Мой муж и я будем требовать возбуждения уголовного дела против тех, кто его избил". Глаза его налились злобой: "Не нравиться вы мне, Татьяна Александровна, но, если вы увидите, вы хотите возбуждения уголовного дела, ну, так вы его получите. Только вы самого испортили. Дело будет против вашего мужа. О том, что он бранился на заключенного с бритвой, у нас имеется акт, подписанный несколькими заключенными. Смотрите, Татьяна Александровна, можно ведь и пустить его в ход. Есть еще много других возможностей. Например, в УК РСФСР — 3 года лишения свободы за поругание религии в местах заключения. Так что подумайте".

В конце ноября я снова приехала в Бозой. Приехала, чтобы получить краткосрочное свидание, положенное каждому заключенному на общем режиме три раза в год. Свидание от 2 до 4 часов по разрешению администрации. Но мне отказали: "6 октября при выводе на работу Зуншайн работать отказался, сказав, что на большевиков работать не будет". Заодно лишили и следующего двухчасового свидания, которое должно было состояться через 3 месяца: "9 октября Зуншайн стирал белье в неуточное время". Позднее лишили следующего — за голодовку протеста.

На другой день я пошла к воротам лагеря еще до рассвета. Так делают все жены, которые хотят хоть на секунду — другую увидеть своих мужей, когда их ведут на работу и обратно. К этому привыкли, их не отгоняют, и я стояла вместе с другими и смотрела на ворота. А в лагере начинался рабочий день. Один за другим к воротам подъезжали грузовики с кузовами, сверху закрытыми решеткой, туда загоняли заключенных. Конвойные с собаками садились в специально отведенное за кабиной место, и они отъезжали. Вскоре все машины отъехали и из ворот лагеря стали выводить тех, кого ведут на работу пешком. Я знала, что Захар должен быть среди них. Прошел один отряд, второй, третий. Захара среди них не было. Когда последних заключенных вели мимо меня, я закричала: "Я жена Захара Зуншайна! Что с ним, почему его нет с вами?" Мне ответили, что его сегодня оставили в лагере, не повели на работу. Причины они не знали.

Я знала причину. В поселке невозможно остаться незамеченным. К тому же администрация понимала, что я не уеду из Бозой, не попытавшись хоть на несколько секунд увидеть мужа. Они не дали нам даже этих нескольких секунд. Приехать за 6 тысяч километров и так и не увидеть его. Наверное, они боялись, что он что-нибудь успеет мне сказать...

4 февраля

Таня! Столыпин трясет, за окошком посветлело, и я пишу тебе письмо. Сегодня 4-е февраля и меня везут на другую зону. Тоже в Иркутской области — УК-272/23, пос. Октябрьский, Чунский район.

В Бозое администрация облегченно вздохнула. Моя история там такова. Мое первое заявление Маслову от 30.09.84 выкинули — там об избении и антисемитских выходках. Из-за этого, и чтобы этот факт застолбить, я устроил двухдневную голодовку 16—17 ноября. С начала декабря, разумеется, в отместку, администрация перешла в наступление: мне стали навязывать работу, которая считается позорной — строить забор в запретной зоне, тем самым настраивая против меня эсков, подрывая мою безопасность. Здесь, считается, что такую работу, работу в запретной зоне, выполняют только "черти". Мне пришлось отказаться, а что делать!!! За отказ от работы — 2 ШИЗО: 4—7 декабря и 13—20 декабря. Чтобы это прекратить, и получить другую работу, работу с нормой (а то, если нет нормы, про меня всякий раз говорят, что я не работаю, и я в дурацком положении) мне пришлось голодать уже 8 дней: с 17 по 25 декабря. Это принесло свои плоды, администрация отступила: с 26 декабря меня перевели вязать сетчатые мешки (сетки). Первый месяц я считался учеником. К концу месяца я, как и все, вязал по 2 сетки, при норме к концу первого месяца — 4 сетки, а вообще-то норма 8, и она нереальна. Все вяжут 2, и я тоже, но 25-го января меня сажают в ШИЗО на 10 суток за невыполнение нормы. 31 января знакомят с постановлением — на 6 месяцев ПКТ, а затем увозят из Бозой в СИЗО г. Иркутска, а затем на 23 зону. Завтра я буду на Ханяках, так ее называют. Название, как говорят, японское, там еще с войны и после сидели японцы. По-японски Ханяки — Черная Дыра.

Меня ознакомили с двумя ответами Баландина, которые шлют и тебе. В них жуткое, бессовестное вранье. Вранье — все. Условия в Бозое ужасные. Белье не меняют по 20 дней (меняли 6, 29 декабря, 18 января). Зона голодная. Кормят хуже, чем в СИЗО. В бане, хоть и двойные рамы, снег и лед лежат на внутренних стенках. В ШИЗО ложек не дают: начальник режимной части ИТК-40 ст. лейтенант Урмаев говорит, что "в соответствии с советским законодательством ложки в ШИЗО не предусмотрены". Жуткий

холод, из-за которого эски все время вынуждены проводить на полу у батареи, сбившись в кучу. Грязь, вши. По трое суток не работает батарея, изо рта идет пар — холоди-на жуткая! Какие там 17—19°!!!

Прокуратура реально ничего не делает. Прокурор Вахрушкин приезжает раз в месяц, хватается за голову, вот и все. Видимо все-таки наши жалобы их доканали, да и ты слишком много знаешь обо мне, вот они и решили меня отсюда убрать и закрыть в ПКТ. Последние два месяца в Бозое нет воды, воду добывают из системы отопления, из батарей, наливают в питьевые бачки, ее и пьют. Полный кошмар.

В СИЗО г. Иркутска я сидел в камере № 25. Матрацев не дают. 35 человек — 25 шконок. Ложки отбирают, выкидывают. В камере на 35 человек — 7—8 ложек. С ложками здесь в УИТУ Иркутска полный кошмар. Этапы в Бозое бить перестали. Результат налицо. Один из тех, кто меня бил — Зуев — ушел по УДО.

Про Ханяки известно, что зона переполнена — больше 2-х тысяч человек. Спят на двух шконках пятеро. Это на верхних, а внизу по одному. Зона с 62 статьей — алкаши. Не рабочая. Голодная. Кормят отвратительно. Нормы продовольствия, даже хлеба не соблюдаются. Говорят, что бывает, что хлеб не привозят по нескольку дней. Напротив меня сидит человек, который пробыл там месяц и теперь из СИЗО снова возвращается туда. С баней тоже ничего понять невозможно, то ли она есть, то ли ее нет. Полный бардак. Здесь, как и в Бозое, загоняют в СВП, если ээк не хочет, грозят отправить его в 11 отряд (в Бозое 5-й), где сидят "обиженные".

Они спрашивают, откуда тебе столько всего известно. Ну и пусть спрашивают, болваны. Наверное, меня закроют в ПКТ. Но это ничего. Вещу я килограммов 73—74. Чувствую себя, как всегда, неплохо.

Ты должна знать, что я им всем говорю, что хочу сидеть спокойно, от работы не отказываюсь и режим мне нарушать незачем. А жаловаться на них не буду, если мне создадут хотя бы минимальные приемлемые условия...

И вот я еду в Ханяки. Еду без всякой надежды увидеть Захара, но с надеждой хоть что-нибудь узнать о нем. Я уже знаю, что такое внутриллагерная тюрьма ПКТ — содержание в общих камерах, питание по сниженным нормам, свидания не положены, одно письмо в 2 месяца, прогулка — полчаса в день, и что хуже всего, нары в камерах, как в карцерах, отстегиваются только на ночь, остальное время на ногах. И так — полгода.

В Иркутском УИТУ мне сказали, что вовсе не понимают, почему Захару дали полгода ПКТ. Ничего он такого не сделал. А дальше, уже совсем издеваясь, заявили: "Достаточно было дать месяца два, этого бы хватило. Вы ведь понимаете, для чего это..." Я понимаю. Для того, чтобы иметь формальную возможность воспользоваться статьей 188³ УК РСФСР, необходимо, чтобы заключенный сперва отсидел один срок в ПКТ и два в СИЗО.

Мы еще долго говорили о том, кто они такие, и чем они отличаются от людей другого сорта. Они сетовали на то, что я их не понимаю. "Вот вместо того, чтобы поддерживать мужа, написали бы ему такое письмо: Захар, делай все то, что они тебе велят, и все будет хорошо. А вы..."

Я села в поезд, который идет от Иркутска на северо-запад, и поехала искать эту "Черную дыру". Сначала поездом около суток, потом автобусом, потом пешком через реку по льду (летом ходит паром), и вот я добралась...

Покосившиеся, вросшие в землю дома в основном серого цвета, повалившиеся заборы, в переулках домов пусто, людей не видно, только и слышно, что лай собак. На встречу мне попала одна-единственная старуха, которая везла на санях воду. Старуха была угрюмая, мрачная, одетая как принято в этих местах: телогрейка, сапоги. Я спросила: "Где здесь почта?" Она ответила сквозь зубы: "Почты здесь нет, только на другом берегу".

Мимо меня с грохотом пронесся грузовик, на котором в самую пору возить скот. На борту его большими косыми буквами было написано: ЛЮДИ.

Меня приняли в штабе, но отказались ответить хотя бы на один из вопросов: где мой муж? как он себя чувствует? что с ним было за это время? Начальник лагеря спросил меня: "Вы что, корреспондент газеты "Труд"? Вы приехали сюда брать интервью?" Я сказала: "Я жена и этого достаточно, я хочу знать, что с моим мужем!" — "Ваш муж жив, что вам еще надо?"

Я уезжала из Ханяк, так ничего и не узнав о муже. Соседи по купе приставали ко мне с разговорами. Один из них, как выяснилось, бывший заключенный, когда-то отбывший свой срок в Ханяках, рассказал мне, что место это гиблое, лагерь стоит на болоте, поэтому здесь сыро и холодно даже летом. Лето короткое — 1,5 месяца в году — остальное время года холодно, особенно зимой, когда мороз 50 и выше. В такую погоду в лагере особенно тяжело — одежда не спасает, помещения плохо отапливаются, а карцеры и во все не отапливаются. В таких условиях больше трех сроков карцера обычно не выдерживают, получают туберкулез или еще чего похуже.

Иногда мне кажется, что все это какой-то кошмарный сон. Особенно, когда я вспоминаю, как, переехав в Ригу, мы с мужем частенько выезжали на взморье. Ласковое море, теплый песок, приветливое солнце, горделивые красавицы сосны. Мы часами гуляли по пустынному пляжу и мечтали о будущем... ●

Расшифровка некоторых сокращений: СИЗО — следственный изолятор; ШИЗО — штрафной изолятор; ПКТ — помещение камерного типа; ИТК — исправительно-трудовая колония; УИТУ — управление исправительно-трудовых учреждений; УДО — условно-досрочное освобождение. ●

ИЗ ГАЗЕТ: 50 ЛЕТ НАЗАД

ТРАВА ЗАБВЕНЬЯ

Маленькая круглолицая девочка с аккуратно подстриженной челкой обнимает за шею большого человека. Она смотрит на него восторженно сияющими черными глазами. Он добродушно усмехается. Веером расходятся на виске морщинки. Глубокая, немножко задумчивая улыбка приподнимает тонкую тугую бровь. Глаза светятся чудесной улыбкой. Кого держит в руках этот всем нам родной и любимый человек? Дочь? Внучку? Нет, не дочь и не внучку. Он держит в руках нечто гораздо большее: будущее мира.

Один из наших поэтов сравнил Сталина с садовником. К этому надо прибавить, что особенным вниманием этот садовник окружает лучшие цветы советского сада — детей.

Среди лент, парусов, поднятых весел, флагов, смуглых голов, голубей, песен в золотом зное Красной площади плывет громадный портрет человека, обнимающего девочку. Портрет этот окружен четырьмя сказочными розами, а в каждой розе сидит по крошечному советскому гражданину, такому маленькому, что издали даже трудно определить — мальчик это или девочка.

— Спасибо родному товарищу Сталину за счастливое детство.

Вот проплывает целая небольшая, но дружная семейка: молодая мать, молодой отец и двое ребятшек.

— Спасибо товарищу Сталину за заботы о крепкой, дружной советской семье!

И идут, идут наши серьезные, но вместе с тем и беспечно-веселые ребята — будущие Громы, Ботвинники, Шмидты, Павловы, Знаменские, Шопены, Лобачевские...

Идет все наше будущее.

И плывет, плывет, окруженный розами, любимое, ласковое, серьезное лицо большого человека, обнимающего девочку с аккуратно подстриженной челкой.

Валентин Катаев
"Правда", 7 июля 1936 г.

Фотография "большого человека, обнимающего девочку с аккуратно подстриженной челкой", была сделана 27 января 1936 г. на приеме в Кремле трудящихся Бурят-Монгольской АССР. Девочку звали Геля, она была дочерью наркома земледелия Бурят-Монгольской АССР Ардана Маркизова. Вскоре после возвращения из Москвы отец и мать Гели были арестованы. А.Маркизов был расстрелян, его жена позднее покончила с собой в ссылке.